

долгого времени для богослужбных и других целей служило первое старославянское житие св. Вацлава, первоначальная форма которого сохранилась в глаголических бревиариях. В первой половине XI в. это житие было переработано и главное — дополнено на основе латинских легенд, в этом виде оно и попало на Русь. Ярким доказательством расцвета славянской культуры в Чехии во второй период деятельности Сазавского монастыря является тот факт, что даже эта обработка не оказалась достаточной: было составлено новое житие св. Вацлава — так называемое «Житие Никольского». За основу была взята весьма сложная и искусственная Гумпольдова легенда; редактор второго жития пользовался также Кристианом, легендой «Crescente fide» и, разумеется, первым старославянским житием. «Житие Никольского» — компиляция, использовавшая поразительно широкий круг источников.

По всей видимости, совершенно аналогичными методами составлялась и новая легенда о Кирилле и Мефодии — тот текст, который мы называем «старославянским Privilegium» и который затем стал оригиналом «Сказания о преложении книг». Сазавская среда была двуязычной, тамошние книжники использовали как старославянские, так и латинские памятники. Это безусловно доказывает «Житие Никольского». Поэтому при составлении новой кирилло-мефодиевской компиляции неизвестный компилятор не делал различий между Паннонскими житиями и латинским трудом Кристиана. До сих пор структура «Сказания о преложении книг» вызывала недоумение, ибо в этом памятнике отрывки из Жития Константина и Жития Мефодия перемежались с сообщениями и формулировками, аналогию которым находим лишь у Кристиана. Однако именно это объединение самых различных источников на двух языках, латинском и старославянском, — характерный признак памятников, возникших в XI в. в Сазавском монастыре. Сазавский источник — это наиболее реальное истолкование той смеси, которую мы встречаем в «Сказании о преложении книг».

5

Во взглядах на «Сказание о преложении книг» существует две крайности: И. Добровский считал «Сказание» поздней интерполяцией из Кристиана и датировал его второй половиной XIV в.; Н. К. Никольский принимал это «Сказание» за остаток ядра старейшей русской летописи, корни которой уходили в кирилло-мефодиевскую эпоху. Различие в датировке, таким образом, составляет целых пятьсот лет. Оказалось, что И. Добровский был недалек от истины, хотя предложенную им схему взаимоотношений памятников необходимо исправить в двух пунктах. Во-первых, Кристиан творил не в начале XIV в., а в конце X в. Во-вторых, редактор ПВЛ в начале XII в. использовал Кристиана не прямо, а косвенно, через посредство сазавской обработки Кирилло-Мефодиевской легенды.

Ныне одной из важных задач славянской филологии является глубокое изучение связей Киево-Печерской лавры и Сазавского монастыря. Естественно, что исследователи до сих пор чаще стремились установить непосредственные связи киевской литературы XI—начала XII вв. с памятниками кирилло-мефодиевского периода. Эта начальная эпоха окружена ореолом древности, поэтому она кажется более привлекательной, чем время Кристиана или сазавского аббата Божетеха. Однако было бы непростительным пренебрежением к историческим закономерностям, если бы великоморавское IX столетие заслонило в нашем сознании сазавский XI в., выполнявший роль посредника.